

Торгуя малатаном без малого полмесяца, Шэнь Юй сумел отложить ещё более тысячи юаней. Он обратился к своим добрым знакомым — владельцу лавки Чжан Дафу и хозяину лапшичной Ван — с просьбой разузнать, не продаёт ли кто-нибудь на их улице помещение.

Бизнес на малатане со стороны казался делом пустяковым, но на деле сулил отличные перспективы. Пока рецепт был в его руках, торговля могла процветать годами, а значит, пришло время обзавестись полноценной точкой.

Полагаться на одну лишь тележку было неразумно: работать получалось только в обеденное время, масштабы расширить невозможно, да и здоровье в таких условиях сохранить трудно. Зима выдалась суровой, с колючими ветрами и метелями; в те дни, когда снег валил особенно густо, выходить на улицу и вовсе не имело смысла.

К тому же, как бы он ни старался подавать еду горячей, на ледяном ветру шпательки мгновенно остывали. А ведь малатан без обжигающего жара терял половину своего вкуса и очарования.

Лао Чжан и Ван, знавшие друг друга с самого детства, были людьми прямыми и отзывчивыми. Отужинав пару раз за счёт юноши, они с готовностью взяли на себя хлопоты по поиску жилья.

Ответ пришёл уже через пару дней. Вся эта улица состояла из старых одноэтажных построек — обычных серых домиков. Планировка у всех была разной, но общая площадь примерно одинаковой: от сорока до пятидесяти квадратных метров.

Правда, изначально их парадные входы выходили на соседнюю улицу. Местные умельцы, решившие заняться торговлей, просто прорубали заднюю стену спальни, превращая её в витрину, обращённую к воротам Машиностроительного завода.

При этом не всё пространство отдавалось под магазин. Например, в лавке Чжана под торговлю был выделен лишь один зал в пятнадцать метров, а остальная часть дома по-прежнему служила жильём и складом. Лапшичная Вана была просторнее: он прирезал к залу ещё и кухню, получив в итоге около тридцати квадратов, где легко умещалось несколько столов.

Шэнь Юй же намеревался выкупить здание целиком вместе с участком. Он не хотел в будущем ввязываться в споры о праве собственности — такие проблемы лучше пресекать в зародыше.

Владельцы лавок разузнали всё, что могли: желающих продать жильё нашлось немало, но цены они заламывали нешуточные. Несмотря на почтенный возраст построек, хозяева прекрасно понимали — сейчас их домами интересуются исключительно ради бизнеса.

Сами они опуститься до рыночной торговли не могли — считали это делом постыдным для рабочего человека. Наблюдая, как богатеют Чжан и Ван, они и завидовали, и в то же время не

решались последовать их примеру. Страх потерять лицо и прогореть сковывал их по рукам и ногам, но глаза всё равно горели алчностью при виде чужих успехов.

Узнав, что кто-то ищет помещение, они решили, что настал их звёздный час, и заломили цены, надеясь сорвать большой куш. Самый скромный запрос начинался с тысячи юаней, остальные колебались от тысячи с лишним до двух тысяч. А один наглец и вовсе потребовал две с половиной.

Рассказывая об этом, Лао Чжан лишь презрительно сплюнул:

— С ума посходили от жадности.

Шэнь Юй рассчитывал уложиться в восемьсот юаней. В те времена лихорадка на рынке недвижимости ещё не началась, и цены на жильё были вполне оправданными. Даже с учётом расположения, стоимость не могла взлетать до небес. Свой нынешний просторный двор с несколькими постройками, общей площадью в сотни метров, не считая сада и огорода, он выкупил всего за полторы тысячи — и то это было не самое дешёвое предложение.

А что предлагали здесь? Сорок-пятьдесят метров в дряхлом строении. Да, его можно превратить в лавку, но ведь переделка жилого дома в торговую точку тоже потребует немалых вложений.

Юноша заранее наводил справки о ценах на подобные домики у других заводов. Обычно их можно было забрать меньше чем за пятьсот юаней, а если здание совсем уж обветшало — то и за триста.

Конечно, за ухоженный дом с хорошим ремонтом или чуть большей площадью Шэнь Юй готов был накинуть — тысяча была его верхним пределом. Но эти люди явно принимали его за неразумного богача, которого можно обобрать до нитки. Такого отношения он терпеть не собирался.

Владелец Ван посоветовал:

— Если тебе не горит, помаринуй их немного. Пусть эти олухи думают, что сидят на золотых слитках. Скоро сами прибегут.

Шэнь Юй был с ним полностью согласен. У ворот Машиностроительного проходимость была отличной, но он присмотрел ещё пару мест, которые ничуть не уступали этому. Там несколько заводов стояли бок о бок: пусть каждое предприятие по отдельности и уступало Машиностроительному, вместе они давали огромный поток людей.

Где есть толпа — там будет и прибыль. Юноша сохранял ледяное спокойствие.

Вопрос с помещением временно отложили. Приближалось двадцать восьмое января — Праздник Лаба. Хотя Шэнь Юй жил один, он считал, что в жизни должно быть место традициям, поэтому за два дня отправился закупать ингредиенты для праздничной каши.

Заодно пришло время пополнить запасы бытовых мелочей. В заводских лавках дефицита не было, но в центральном универмаге выбор был куда богаче.

Шэнь Юй оседлал свой трёхколёсник и снова двинулся в город.

Накануне выпал снег, и дороги всё ещё были покрыты скользкой наледью. Юноша осторожно налегал на педали, опасаясь заноса. На его глазах ехавший впереди велосипедист поскользнулся: колёса ушли в сторону, и бедняга вместе с машиной пролетел добрых пару метров, прежде чем с размаху приложиться об землю.

Он невольно вздрогнул. Мысленно он порадовался, что у него три колеса — всё-таки устойчивее, чем два.

Подъезжая к заброшенному мосту, он стал ещё бдительнее. Вдруг бродяги выскочат? А быстро ехать по такому льду юноша не решался.

Однако, когда он поравнялся с мостом, тех назойливых теней, что обычно дежурили у дороги, не оказалось. Никто не бросился к нему с протянутой рукой, выпрашивая еду или деньги.

Шэнь Юй невольно удивился.

«Неужели и впрямь замерзли до смерти?»

Он бросил взгляд в сторону тёмного зева под мостом и увидел, что бродяги сгрудились в плотную кучу, возбуждённо галдя.

В этот момент из самой гущи толпы вырвался человек и, пошатываясь, рванул к дороге.

Бродяги с гиканьем и руганью бросились следом. Кто-то подобрал с земли камень и с силой запустил его в беглеца.

У юноши ёкнуло сердце. Он не собирался ввязываться в чужие беды, но человек впереди бежал с огромным трудом: не то он был калекой от рождения, не то получил тяжёлую травму — он сильно хромал, едва переставляя ноги.

В его правой ноге вдруг отозвалась призрачная, суворожная боль. На мгновение сознание Шэнь Юя помутилось, а перед глазами всплыла картина, словно кадр из далёкого, почти стёртого прошлого.

Он резко ударил по тормозам. Юноша выхватил из кузова две новенькие эмалированные тарелки и, сжимая их в руках, принялся с силой бить одну о другую. Над дорогой разнёсся невыносимый, режущий уши лязг.

— Караул! Убивают! — заорал он во всё горло. — Скорее зовите полицию! Бродяги человека режут!

Прохожие вздрогнули от внезапного грохота. Парочка велосипедистов, застигнутых врасплох, вильнула в сторону и рухнула в снег. Но сейчас никто не смотрел на упавших — всех парализовало страшное слово: «Убивают!»

Внимание людей сосредоточилось на шумном пареньке, продолжавшем неистово шуметь. Проследив за его взглядом, все увидели, как стая бродяг травит раненого беглеца.

— Эй! Что вы творите?!

— Как не стыдно — камнями в человека! Зовите полицию, живо!

— А ну стоять! Совсем страх потеряли? Средь бела дня людей бить!

Напуганы были не только случайные свидетели, но и сами преследователи. Один из бродяг, уже замахнувшийся увесистым булыжником, вздрогнул. Камень выскользнул из рук и рухнул ему прямо на ногу. Под мостом раздался вопль боли.

Те, кто бежал впереди с искажёнными яростью лицами, тоже замерли, услышав крики о полиции. Их одурманенные холодом и злобой головы не сразу сообразили, что происходит. Кто кого убивает? Они?

Не успели они сделать и шага назад, как подоспевшие прохожие уже прижали их к обледенелой земле.

Хромой человек медленно остановился. Он не стал оглядываться на своих мучителей, лишь замер, устремив неподвижный взгляд на дорогу.

А старый трёхколёсник уже скрылся за поворотом.

Происшествие на дороге оставило в душе Шэнь Юя тяжёлый осадок. Ночью, когда он наконец уснул, его снова настигли тени из другой жизни.

Ему снилось, что он снова маленький. Он вернулся в своё детство, и за ним кто-то гнался — страшные, оскаленные лица дышали в спину. Он бежал из последних сил, задыхаясь от ужаса, но его хромая нога не слушалась, она волочилась по земле, не давая набрать скорость.

Во сне Шэнь Юй плакал от бессилия, сердце его сжималось от ледяной тоски.

«Мои ноги в порядке, я уже здоров... Почему я не могу бежать?»

Преследователи были уже совсем рядом. Жуткий смех гремел прямо над ухом. Он умирал от страха, не смея обернуться, и в то же время до безумия хотел увидеть, как далеко они ещё находятся.

В какой-то момент чья-то рука потянулась к его плечу. Шэнь Юй закричал, не в силах больше сдерживаться. Внезапно перед глазами вспыхнул ослепительный белый свет, и навстречу ему, сквозь тьму, бросилась высокая фигура...

Юноша в ужасе проснулся. Он лежал в темноте, тяжело хватая ртом воздух, а по лицу стекал холодный пот.

Он осторожно пошевелил ногами. В икрах тупо ныло — это была знакомая «боль роста». В последнее время он хорошо питался, организм окреп, и кости начали вытягиваться. Это был добрый знак. Ноги были прямыми и сильными. Это был всего лишь сон.

Он долго лежал, пытаясь унять колотящееся сердце. Когда дыхание выровнялось, юноша горько усмехнулся. Он-то наивно полагал, что давно забыл о той хромой ноге. Он вырос, стал самостоятельным, научился управлять своей судьбой.

Более того, теперь у него было здоровое тело. Он больше не был тем беспомощным ребёнком, который не мог даже убежать. Шэнь Юй лежал, глядя в потолок невидящим взглядом. Так о чём же он на самом деле тосковал? О покалеченной ноге или о тех страданиях, которые она принесла в его жизнь? А может, о самой причине калечества?

На ту бродячую собаку зла он не держал. Настоящими виновниками его бед были безответственные родители. Если бы не их безразличие, ему не пришлось бы рыться в помойках в поисках еды. Если бы им было не всё равно, на лечение его ноги нашлись бы деньги, и он не остался бы инвалидом.

Наверное, в его сердце всё ещё жила глухая обида.

Он думал, что давно вычеркнул ту пару из своей жизни и не станет тратить на них ни единой эмоции. Он думал, что с исцелением тела уйдут и старые боли. Но прошлое не отпускало.

Случай у моста вскрыл старый нарыв. Наверное, это к лучшему — чтобы рана затянулась

окончательно, гной нужно выпустить на свет.

В конце сна он увидел человека, бегущего ему на помощь. Возможно, это был знак исцеления. Когда он был маленьким, когда его травили и унижали, разве он не мечтал о спасителе?

Но спасителя не было. Добрые соседи и учителя помогали чем могли, но те бездны, в которые он падал, были им неведомы.

Сегодня он решил помочь тому хромоту человеку. И в глубине души он понимал: помогая ему, он спасает самого себя — того маленького, беззащитного мальчика из своих снов.

Шэнь Юй едва заметно улыбнулся. Наверное, та высокая фигура в ослепительном свете и был он сам, только повзрослевший.

Ведь в детстве он тысячи раз представлял, как вырастет, станет сильным и раздаст по заслугам всем своим обидчикам. Теперь пришло время отпустить эту ярость. Та жизнь осталась в другом мире, а здесь начиналась его собственная, новая история.

На следующий день к нему заглянула Чэнь Мэйли. Она принесла тетради — в домашнем задании попались задачки, с которыми она не могла справиться.

Они вместе посидели над учебниками, а во время перерыва Мэйли, понизив голос, сообщила:

— А Юнь Байя и Сяо Цзяхуэй сегодня уехали в город на свидание.

Она заметила, что друг не прочь послушать новости об этой парочке, поэтому теперь исправно докладывала ему о каждом их шаге.

Шэнь Юй и впрямь оживился:

— На свидание? Неужели они до сих пор не поссорились?

Мэйли недоуменно покачала головой:

— Сама не понимаю. Раньше они после школы даже не разговаривали.

Это совсем не походило на их прежнюю «великую любовь», когда Сяо Цзяхуэй провожал Юнь Байя до самого дома, а та возвращалась сияющая спустя пару часов после уроков.

— Но в последнее время Цзяхуэй так и вьётся вокруг неё. Подарки носит постоянно.

То заколки для волос, то пирожные... Раньше Мэйли, может, и позавидовала бы, но теперь — ни капли! Те заколки и в подмётки не годились тем, что дарил ей Шэнь Юй, а пирожные на вид были сухими и совсем не такими вкусными, как его стряпня.

Мэйли подпёрла подбородок рукой и скучающим тоном добавила:

— В общем, они помирились. Сегодня даже в кино намылились.

Она считала, что Юнь Байя слишком легко сдалась — позволила какой-то дешёвой мишуре вскружить себе голову. Отец всегда говорил ей: девушка должна знать себе цену и не прельщаться на пустяки. Если ей что-то нужно, она всегда может попросить папу.

Правда, Шэнь Юй в этот список не входил. Он был лучшим другом, а друзья — это совсем другое дело.

— В кино? — юноша невольно рассмеялся. В такой мороз в залах наверняка жуткий холод, кондиционеров-то нет. Просидеть два часа в огромном пустом помещении — то ещё удовольствие.

Ему, заядлому одиночке, такие тактические ходы были неведомы. Он лишь задумчиво проговорил:

— А ведь я здесь ещё ни разу в кино не был.

Самый большой городской кинотеатр стоял как раз на его пути в центр, неподалёку от того самого заброшенного моста. Каждый раз, проезжая мимо, он видел одни и те же афиши — репертуар обновляли редко.

— Я тоже сто лет не ходила, — Мэйли вдруг загорелась идеей. — Может, и мы как-нибудь сходим?

С тех пор как она начала набирать вес, Мэйли возненавидела людные места. Она терпеть не могла эти любопытные, оценивающие взгляды. Но теперь она заметно постройнела, да и рядом с Шэнь Юем ей ничего не было страшно.

— Почему бы и нет, — согласился Шэнь Юй. Ему и самому хотелось немного развеяться. Развлечений зимой было мало: даже в пинг-понг не поиграть — ветер сдувал мячик, а крытых залов поблизости не было.

— Тогда договорились! — обрадовалась Мэйли. — Завтра Лаба, к нам родственники нагрянут, а

вот послезавтра ты свободен?

— Вполне. Заходи за мной после обеда, и двинем.

В полдень он торговал, утро уходило на сборы, так что вторая половина дня была идеальным временем.

Наступил Праздник Лаба. Шэнь Юй проводил его в одиночестве, но к праздничному столу подошёл со всей серьёзностью: наварил огромную кастрюлю каши.

Денег на продукты он не жалел, так что ингредиентов в его каше было куда больше восьми. Он томил её долго, пока она не стала густой и тягучей. Ароматы злаков и сухофруктов сплелись в единый букет: каша была одновременно сладковатой, нежной и сытной — хотелось смаковать каждую ложку.

Соседи, с которыми он успел подружиться, приносили ему свои чашки с кашей Лаба, а он в ответ угощал их своим кулинарным шедевром. Чужое угощение, может, и не было таким богатым на вкус, но в каждом чувствовался свой домашний уют и особый рецепт — пробовать их было одно удовольствие.

Каша он наварил столько, что даже с учётом соседских подношений доесть всё не удалось. В такую погоду продукты не портились, так что он решил просто разогреть остатки на следующий день. Вкус, конечно, будет уже не тот, но юноша не привередничал: выбрасывать еду в его глазах было тяжким грехом.

Когда на следующий день он выкатил тележку, Лао Чжан заглянул купить порцию для жены — оба супруга окончательно подсели на малатан. Цена, конечно, кусалась, и даже их зажиточная семья не могла позволить себе такое меню ежедневно, но раз в пару-тройку дней они баловали себя острой закуской.

Шэнь Юй плеснул ему в миску побольше фунчозы. Чжан с улыбкой поблагодарил и тут же перешёл к делу — к дому.

Он сообщил, что двое владельцев уже начали сдавать позиции. Они сами пришли к нему разузнать, в сила ли ещё предложение. Когда Чжан ответил, что покупатель ищет варианты подешевле, те заволновались и сразу заговорили о скидках.

Это были не те жадины, что требовали баснословные суммы. Один раньше просил полторы тысячи, другой — тысячу триста. Теперь оба скинули до тысячи. Сразу стало ясно, сколько

лишнего они накрутили вначале.

Дома у них были почти одинаковые: по пятьдесят метров, оба требовали косметического ремонта, так как в последний раз их подновляли несколько лет назад. Сейчас здания выглядели довольно запущенными.

Чжан не стал давать им окончательный ответ. Цена в тысячу всё ещё казалась ему завышенной. Он сказал, что должен посоветоваться с покупателем, и оставил их мучиться в ожидании.

Юноша выложил готовую фунчозу в миску, залил её ароматным бульоном и протянул Чжану.

— А вы что думаете, Лао Чжан?

Тот усмехнулся:

— А что тут думать? Подожди ещё немного. Они же все друг за другом следят. Уверен, уже сегодня вечером кто-нибудь из них снова прибежит — либо ко мне, либо к Вану.

— Хорошо, доверюсь вашему опыту, — легко согласился он. — Как только оформим сделку, я накрою стол в государственном ресторане. Приходите с супругой, зовите семью Вана — отпразднуем как следует.

Хотя частных забегаловок становилось всё больше, государственные рестораны всё ещё держали марку.

— Да брось ты, какой ресторан! — отмахнулся Лао Чжан. — Нам твой малатан куда больше по душе. Жена готова его каждый день уплетать, да и малец наш туда же — вечно с матерью за шпажки воюет. А я, как отец, даже у жены отобрать кусок не смею... — в конце он шутливо пожаловался на сына.

Шэнь Юй рассмеялся.

Немного подумав, он предложил:

— Лао Чжан, а давайте так: я приготовлю для вас концентрированную основу. Возьмёте домой, разбавите водой, вскипятите — и можете сами варить там что захотите: овощи, мясо, грибы.

Он решил сделать заготовки для хого. Старшие братья-торговцы здорово ему помогли с домом, да и в будущем им предстояло стать соседями — хорошие отношения нужно было подпитывать.

— Неужели так можно? — обрадовался Чжан. — Ну, тогда я не стану отказываться! Будь спокоен, с домом я всё устрою в лучшем виде.

— Тогда договорились. И брату Вану передайте, — улыбнулся Шэнь Юй.

— Обязательно! Пойду обрадую старину, он точно будет в восторге.

Чжан, бережно держа миску с горячим малатаном, в приподнятом настроении зашагал к себе.

Шэнь Юй выглянул в окно: ветер выл так, что закладывало уши. Тётушки теперь не приходили к нему домой. После обеда он просто отвозил грязную посуду в их дворик, где они всё перемывали и упаковывали по бакам. Ингредиенты тоже хранились у них — овощи они закупали сами у знакомых фермеров, а мясо и специи юноша завозил раз в несколько дней.

Это было разумно: в плохую погоду женщинам не приходилось пробираться сквозь сугробы и ледяной ветер. Тот помнил, что у него дома горячая вода всегда была в избытке. Тётушки в своём дворе работали свободнее, но он не был уверен, что они не станут экономить на топливе.

Высчитывать копейки за уголь было сложно, поэтому он просто поднял им зарплату — на один юань каждой. Теперь они получали по два юаня в день. Женщины были на седьмом небе от счастья. Шэнь Юй строго-настрого запретил им экономить на горячей воде: «Это работа в долгую, если простудитесь и сляжете — вот тогда мы все в убытке будем». Получив такую установку, женщины перестали жалеть уголь.

После обеда, как и договаривались, пришла Чэнь Мэйли. Шэнь Юй заранее подогнал свой трёхколёсник к дому. Но, глядя на бушующую стихию, он засомневался:

— Может, лучше на автобусе поедем?

Пешком до остановки было минут двадцать, да и автобусы ходили нечасто. Но на трёхколёснике против такого ветра не попрёшь — как ни укрывайся, Мэйли в открытом кузове промёрзнет до костей.

Подруга была согласна на любой вариант. Она притащила с собой целый рюкзак с семечками и жареным арахисом.

— Решено, едем на автобусе, — отрезал юноша. Он вынес из дома две свежезаправленные грелки и одну вручил Мэйли. — Держи крепче.

Закутавшись поплотнее и прижимая к себе спасительное тепло, они отправились в центр.

Удача была не на их стороне: к кинотеатру они подоспели, когда сеанс шёл уже целый час. Зайти-то было можно, но смотреть концовку, пропустив завязку, Мэйли не хотела.

К тому же грелки начали остывать. Юноша за пару фэней заправил их кипятком в ближайшей лавке, они прогулялись по окрестностям и спустя двадцать минут наконец дождались следующего сеанса.

Фильм назывался «Северная красная фасоль». Он видел его впервые, и картина ему понравилась. Вот только в зале был жуткий холод: грелки спасали руки и грудь, но ноги леденели.

Шэнь Юй тихонько постукивал ботинком о ботинок, пытаясь согреться. Он повернулся, чтобы шепнуть Мэйли вопрос, не замёрзла ли она, и замер. Через пару кресел от них сидела молодая пара. Парень покраснел от смущения, а девушка, кокетливо отвернувшись, позволила ему спрятать свои ладони в его куртке, поближе к сердцу.

Шэнь Юй:

«...»

Он с каменным лицом отвернулся к экрану. В ту секунду он твёрдо пообещал себе: больше в кино — ни ногой. По крайней мере, пока у него не появится пара.

<http://bllate.org/book/15805/1436874>